

ХРОНОЛОГИЯ И МИФОЛОГИЯ АНДРОНОВСКИХ СОСУДОВ С ПОДКВАДРАТНЫМ УСТЬЕМ

И.В. Ковтун*, А.В. Нескоров**

Представлена наиболее полная сводка необычных андроновских сосудов с подквадратным устьем. На основе радиоуглеродных датировок из различных районов андроновского ареала, давших подобную посуду, отдельных металлических изделий, параллелей в андронидных комплексах и сопряженности с традицией валиковой орнаментации предлагается вероятная абсолютная хронология андроновской керамики с подквадратной формой устья. Рассматривается проблема смыслового значения и предназначения данных сосудов. По аналогии с нартскими параллелями и обско-угорскими орнаментальными соответствиями реконструируется причастность андроновских сосудов с подквадратным устьем к мифокалендарной обрядности и отправлению новогодних празднеств, связанных с содержанием основного мифа.

Андроновские сосуды, аналогии, хронология, мифокалендарная обрядность, нарты, обские угры, семантика орнаментации, основной миф.

Андроновские сосуды с подквадратным устьем (рис. 1–4) появляются на востоке культурного массива и известны только по погребальным памятникам собственно андроновской культуры. В настоящее время насчитывается не менее 18 образцов керамики с такой конфигурацией устья.

Введение

Крайние западные находки сосудов с подквадратным устьем сделаны в барабинских могильниках Преображенка III (рис. 2, 6, 10), Старый Тартас-4 (рис. 1, 1; 2, 7) и Старый Сад (рис. 3, 4; 4, 1–3). Наиболее удаленные, восточные образцы подобной посуды происходят из погребальных комплексов Среднего Енисея: Сухое озеро I (рис. 1, 2; 2, 3; 3, 1), Сухое озеро IA (рис. 2, 4) и Новая Черная II (рис. 2, 6; 3, 2). Между двумя этими предельными районами локализации рассматриваемых сосудов зафиксированы одиночные экземпляры в могильниках Новосибирского — Вахрушево (рис. 1, 3), и Томского — ЕК II (рис. 1, 4; 3, 3) Приобья, а также Ачинско-Мариинской лесостепи — Ашпыл (рис. 1, 5). При этом очевидно тяготение последнего к средне-енисейскому очагу андроновских древностей и территориальное примыкание первых двух находок к восточным рубежам Барабинской лесостепи.

Хронология

Андроновским влиянием объясняется появление двух сосудов с подквадратным устьем в комплексе развитой бронзы могильника у д. Окунево на правом притоке Иртыша р. Таре [Матющенко, Полеводов, 1994, с. 71, 130, рис. 8, 1; с. 133, рис. 11, 1] (рис. 5, 1, 2).

О времени бытования этой немногочисленной серии андроновских сосудов могут свидетельствовать их другие морфологические параллели: из черкаскульского (или близкого ему) погребения могильника Такталачук в восточной Татарии (табл. 5, 3) [Казаков, 1979, с. 151, рис. 4, 9], сузгунский или пахомовский (раннесузгунский) четырехгранный сосуд с Красноярского городища в южно-таежном Прииртышье (рис. 5, 4), пахомовский (раннесузгунский) четырехгранный сосуд из могильника Старый Сад (рис. 5, 5) [Данченко, Полеводов, 2002, с. 25–26, рис. 1], в собственно андроновском комплексе которого также обнаружены сосуды с подквадратным устьем (рис. 3, 4; 4, 1–3).

Появление у андроновцев подквадратной посуды (рис. 1–4) отчасти совпадает с периодом (началом?) распространения валиковой орнаментации. Но хронологический горизонт сосудов с подквадратным устьем охватывает и более ранний период, тогда как бытование керамики с валиком продолжительнее по времени.

В барабинском могильнике Старый Тартас-4 обнаружены андроновские сосуды как с подквадратным устьем, так и с валиком. Более того, в погребении 1 кургана 16 этого памятника зафиксированы и сосуд с атипичной формой устья, и сосуд с «имитацией» валика. Авторы пуб-

ликация характеризуют последний как «сосуд с ребром, напоминающий алакульский тип» [Молодин и др., 2002, с. 58]. Именно в этом могильнике в андроновском погребении кургана, находящегося рядом с курганом, давшим сосуд с подквадратным устьем, обнаружен бронзовый вотивный топорик вислообушного типа (по: [Молодин и др., 1998, с. 294–297, рис. 1, 2, 3]). Собственно андроновские захоронения на некрополе Старый Тартас-4 [Молодин и др., 2002, с. 48–62] датированы по органическим материалам XVIII–XV вв. до н.э. [Молодин и др., 2011а, с. 251–252]. Поэтому, учитывая черкаскульские, пахомовские и сузгунские параллели, а также сочетания с валиком, нижнюю дату подобной керамики можно предположительно ограничить XVI–XV вв. до н.э.

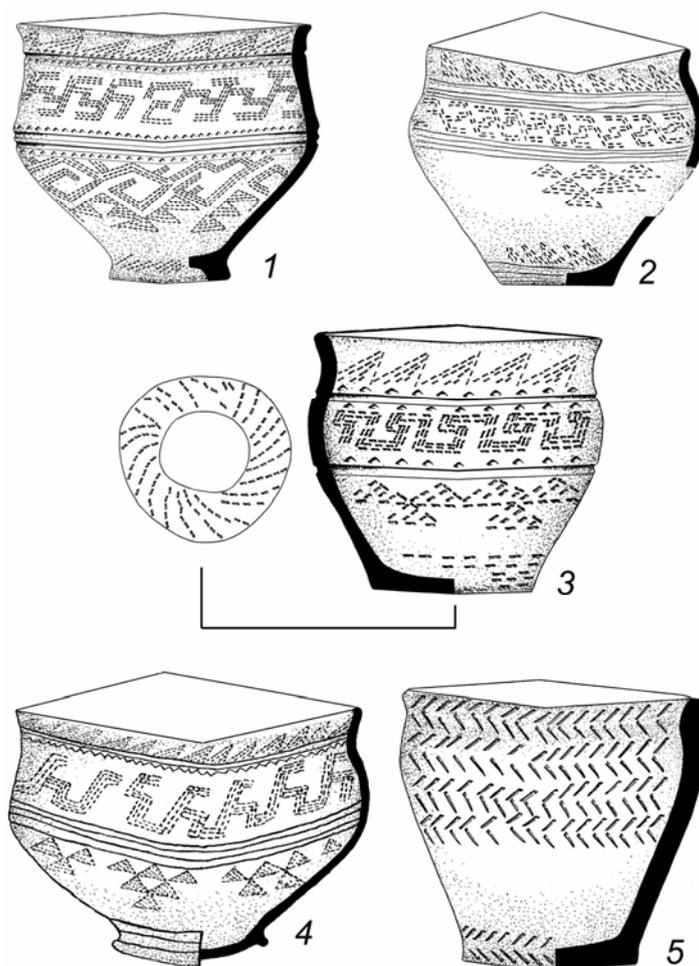

Рис. 1. Андроновские сосуды с подквадратным устьем:
1 — Старый Тартас-4; 2 — Сухое озеро I; 3 — Вахрушево; 4 — ЕК-II; 5 — Ашпыл.

Непосредственное сочетание подквадратного устья с валиком зафиксировано на двух андроновских сосудах из исследовавшегося А.В. Нескоровым могильника Старый Сад (рис. 4, 2, 3). Симптоматично, что в составе захоронений данного некрополя присутствует и своеобразный позднебронзовый комплекс [Молодин, Нескоров, 1992, с. 93–97; Молодин и др., 2011б, с. 195–198].

Четыре сосуда с подквадратным устьем из среднеенисейских могильников Сухое озеро I и Новая Черная II найдены в погребальных камерах, сооруженных с использованием цистовой кладки — позднеандоновского строительного приема, коррелирующегося с «модой на валик» в андроновском керамическом комплексе.

На Среднем Енисее андроновское время по ^{14}C датируется 1715 ± 65 и 1420 ± 40 гг. до н.э. [Gorsdorf et al., 2004, p. 88], а по другой процедуре подсчета тех же данных — с 1610 по 1410 г. до н.э. [Епимахов, 2005, с. 172–173]. В еще одной работе среднеенисейские андроновские па-

Хронология и мифология андроновских сосудов с подквадратным устьем

мятники датированы по ^{14}C в диапазоне 1744–1407 гг. до н.э. [Svyatko et al., 2009, p. 251]. Приведенные данные не противоречат предполагаемой нижней дате сосудов с подквадратным устьем из Барабы, и их нижняя дата предварительно также может быть определена XVI–XV вв. до н.э.

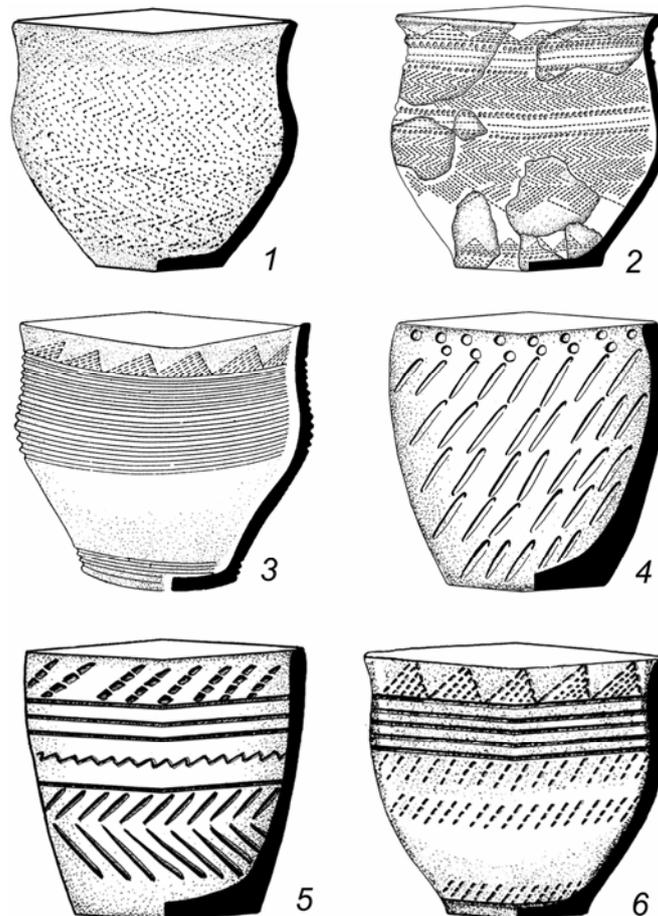

Рис. 2. Андроновские сосуды с подквадратным устьем.

1, 5 — Преображенка III; 2 — Старый Тартас-4; 3 — Сухое озеро I; 4 — Сухое озеро IA; 6 — Новая Черная II.

Мифология

Появление подквадратной формы устья андроновских сосудов связывалось либо с окуневским влиянием [Максименков, 1978, с. 63–66; Кузьмина, 1994, с. 43; и др.], либо с изобретением в собственной, андроновской среде, где известны своеобразные «прототипы» — четырехугольные блюда [Молодин, 1985, с. 102; Молодин и др., 1998, с. 296–297], происходящие, правда, главным образом из западной, зауральской части ареала (см.: [Ковтун, 1994, с. 128]). При различной трактовке происхождения подквадратных венчиков в традиции андроновского гончарства упомянутые авторы едины в представлении о ритуальной функции подобных сосудов [Кузьмина, 1994, с. 135–136; Молодин и др., 1998, с. 296–297].

Е.Е. Кузьмина соотносит андроновские сосуды с подквадратным устьем с ведийскими упоминаниями о многогранных сосудах: «...в Катха-чакха самхита (19, 5-7), в Капистхала самхита (30, 3-5), Тайтирия самхита (5, 1, 6-5, 1, 7) говорится, что укху надо делать четырех-, восьми- или девятигранной в магических целях 'против колдовства'» [1994, с. 135–136].

Подобная символизация и четырехгранная форма сосудов присуща и культовой самусьской керамике с антропоморфными изображениями. Данные сосуды удостоверяют присутствие индоарийского субстрата в составе самусьского комплекса [Ковтун, 2013, с. 300 и др.], расширившего свой ареал до Ачинско-Мариинской лесостепи [Ковтун, 2008, с. 97–98, 103] и хронологически синхронного андроновской экспансии на восток. Поэтому самусьские древности это еще вероятный источник заимствования ираноязычными андроновцами индоарийской идеи, олице-

творяемой четырехугольными горшками. Но не исключена и параллельность двух линий развития, при которой четырехгранная самусьская керамика, как и андроновская посуда с аналогичной формой устья, обоюдно восходят к мировоззренческой архаике индоиранского состояния. Изложенная версия продолжает ранее высказанное предположение о неантагонистическом характере самусьско-андроновских взаимоотношений [Ковтун, 1998, с. 248–249].

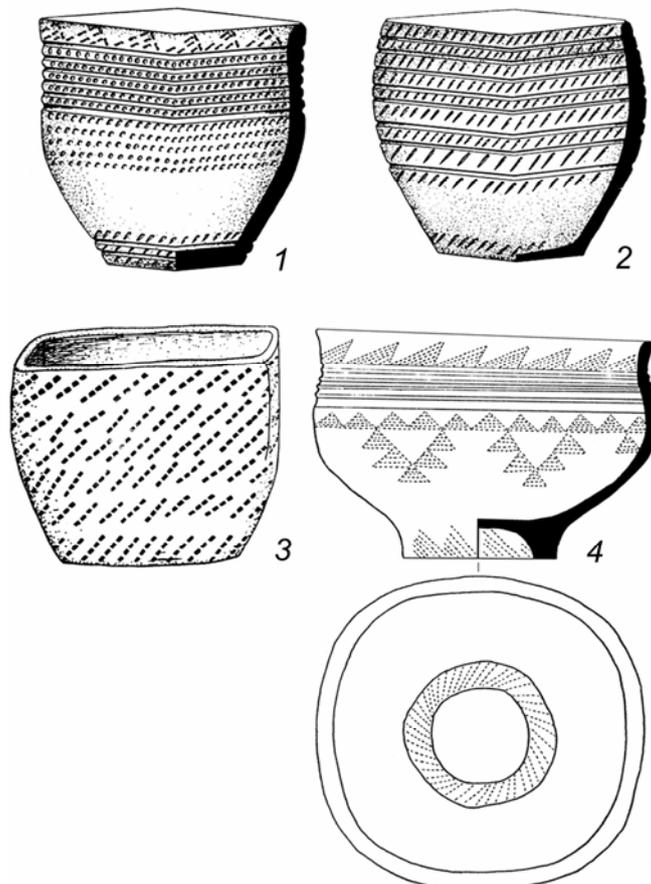

Рис. 3. Андроновские сосуды с подквадратным устьем:
1 — Сухое озеро I; 2 — Новая Черная II; 3 — ЕК II; 4 — Старый Сад.

Вероятность такого исторического сценария опосредованно подтверждается упоминанием подобного атрибута в нартском эпосе ираноязычных осетин, сохраняющих генетическую преемственность с языком аланов и скифов. Согласно упомянутому источнику, нарты совместно владели волшебной четырехугольной чашей, название которой — Нартамонга или Уацамонга означает «указующая героя». Чашу выносили на пирах, и она чудесным образом наполнялась и, поднимаясь к устам героев, переливалась через край, подтверждая заявления нартов о своих подвигах. Если нарт лгал, чаша не трогалась с места, тем самым опровергая безосновательное бахвальство [Дюмезиль, 1976, с. 45–46, 144–145; 1990, с. 175–177; Калоев, 1994, с. 543].

Характерные особенности нартской чаши — неиссякаемость и наполненность вкуснейшими напитками. Это напоминало Ж. Дюмезилью остатки мифа об амброзии [Дюмезиль, 1976, с. 45]. Но одновременно в некоторых сюжетных эпизодах с Нартамонгой/Уацамонгой очевидны и реминисценции основного мифа. Они сохранились в символизируемом чудесной чашей мотиве неиссякаемого изобилия. Так, аналогичный мотив материального процветания (= неиссякаемого изобилия) сопутствует победе Триты Апты над Вритрой [Топоров, 2006, с. 482] на стыке старого и нового (Первого) года. Поэтому «указующая героя», неиссякаемая четырехугольная чаша фигурально уподобляла подвиги героя-нарта дарующей изобилие и процветание победе божественного персонажа основного мифа.

Хронология и мифология андроновских сосудов с подквадратным устьем

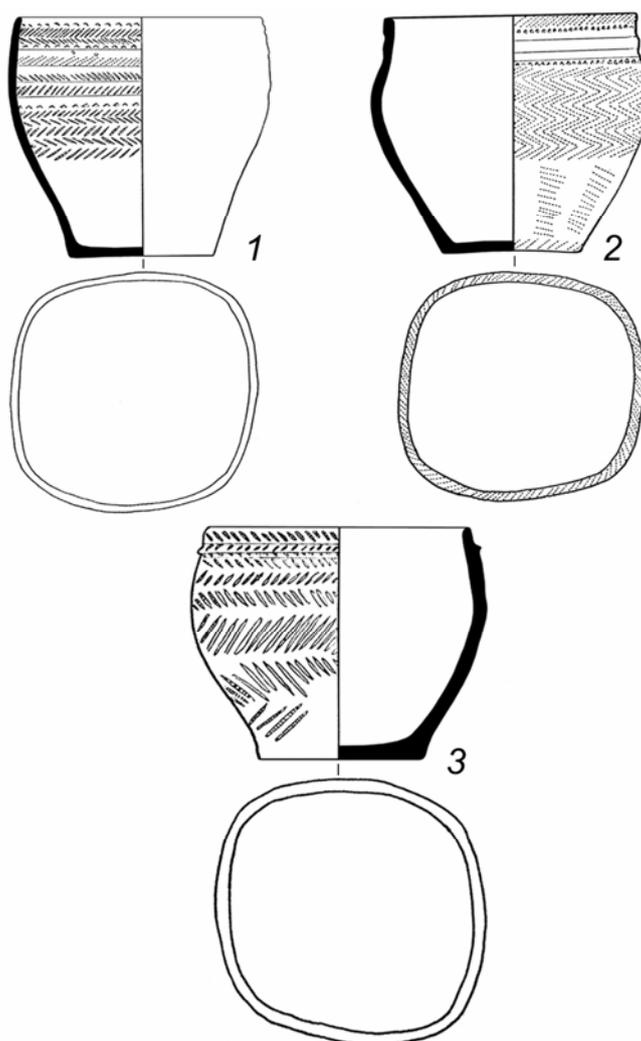

Рис. 4. Андроновские сосуды с подквадратным устьем из могильника Старый Сад.

Инвариантным остатком календарных ритуалов основного мифа, приуроченных к празднованиям Нового года, представляется и другая функция четырехугольной чаши — быть судьей состязаний на пирах нартов (по: [Дюмезиль, 1976, с. 171; 1990, с. 177]). Пир — значимые действия, отмечавшие важнейшие события и организующие сам ход жизни [Ковшова, 2013, с. 243]. По наблюдениям В.Н. Топорова, сочетание ритуального пиршества и состязания — тризны восходит к «пороговой» протоситуации кануна и начала нового года, когда победивший демиург переустроивает мироздание [Топоров, 1990, с. 17, 20, 22 и др.].

Хранение Нартамонги/Уацамонги и сбор нартов на пиры, где фигурирует волшебная четырехугольная чаша, считалось прерогативой одного из трех нартских родов — рода Алагата, сравнивающегося с магами [Дюмезиль, 1976, с. 171; 1990, с. 162–163, 177]. По аналогии с данным порядком вещей вполне вероятно, что и андроновские сосуды с подквадратным устьем составляли атрибутику ритуальных и (или) сакральных практик, осуществлявшихся лицами с особыми, по-видимому жреческими, полномочиями.

Культовое назначение андроновских сосудов с подквадратным устьем подтверждается и содержанием некоторых из украшающих их орнаментальных композиций. Так, в третьей зоне одного из старотартасских горшков фигурирует «ковровый» меандр А-типа, сочетающийся с сомкнутым меандром во второй зоне (рис. 1, 1). Смысловое значение подобного сочетания реконструируется по орнаментальной композиции браслета с конусовидными спиралями из могильника Лисаковский (рис. 6, 1), китайским параллелям и сходству с обско-угорским орнаментальным мотивом «соболь».

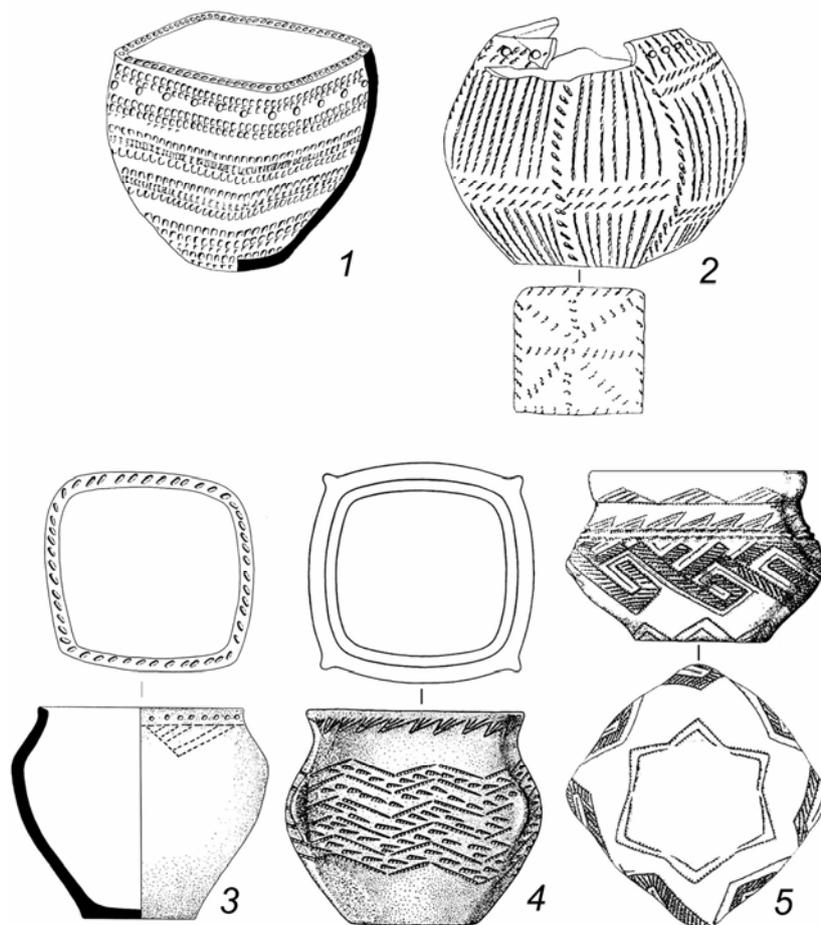

Рис. 5. Параллели андроновским сосудам с подквадратным устьем:
1, 2 — могильник у д. Окунево; 3 — могильник Такталачук; 4 — Красноярское городище; 5 — Старый Сад.

Предполагаемая имитация рогов барана-Индры/Веретрагны [Ковтун, 2013, с. 153–156] двумя конусовидными спиралями андроновского браслета соответствует смысловому значению подобного украшения, олицетворявшего баранью ипостась божества, связанную с идеей жертвоприношения [Там же, с. 153–160]. Аналогичную идею отражает и орнаментация лисаковского браслета, позволяющая реконструировать доктринальную сюжетную линию, символизируемую сочетанием декора на обруче изделия с его конусовидными окончаниями.

На браслете из Лисаковского фигурируют два мотива, сочетанием которых означалось некое содержание, соотносящееся с конусовидной имитацией бараньих рогов. На этом браслете сочетается совмещенный линейный меандр замкнутого и сомкнутого типов (рис. 6, 1, б) с «ковровым» меандром А-типа (рис. 6, 1, а). Смысловое значение последнего отчасти реконструируется по позднейшим обско-угорским параллелям. У хантов и манси мотив, идентичный андроновскому «ковровому» меандру А-типа, только с одним крючком, спущенным из вершины зигзага, имеет название «соболь» или «соболь с головой» [Иванов, 1963, с. 135–136, рис. 83; Рындина, 1995, с. 325; Молданова, 1999, с. 103–106, 233, рис. 18]. По наблюдениям Т.А. Молдановой, проводящей параллель с соответствующей разновидностью андроновской орнаментации, у хантов Казымского Приобья этот мотив, как и сам соболь, связан с лесными духами (миш) и символизирует идею изобилия [1999, с. 103–106, 139]. Орнаментальный мотив «соболь» и его разновидности употребляли не везде, так как считали, что соболь — священный зверек, за шкуру которого отдавали целого оленя [Сязи, 2000, с. 111]. Это также подтверждает связь соболя и его орнаментальных воплощений с идеей изобилия. Такая трактовка удостоверяется и предназначением вещей, на которые наносился подобный орнаментальный мотив, у разных

Хронология и мифология андроновских сосудов с подквадратным устьем

групп хантов Нижнего Приобья. Практически у всех групп нижеобских хантов «соболь» и его разновидности украшает сумки, реже — коробки и коробки для хранения швейных принадлежностей [Там же, 2000, с. 42, 44, 46, 55, 57, 58, 61–62, 63, 72, 74, 78, 84, 95, 106]. У различных же хантыйских групп «соболь» и его вариации используются для орнаментации платьев, халатов, шуб, подушек и покрывал, мужской обуви, малиц и мехового гуся [Там же, с. 61, 69, 73, 83, 89, 91, 99, 103, 107, 108]. Таким образом, очевиден классический случай метонимического тропа, в котором вместо вещи фигурирует вместо содержимого. Поэтому повсеместное распространение мотива «соболь» на хантыйских сумках связывает их с идеей изобилия, восходящей к прото- или раннеугорской архаике.

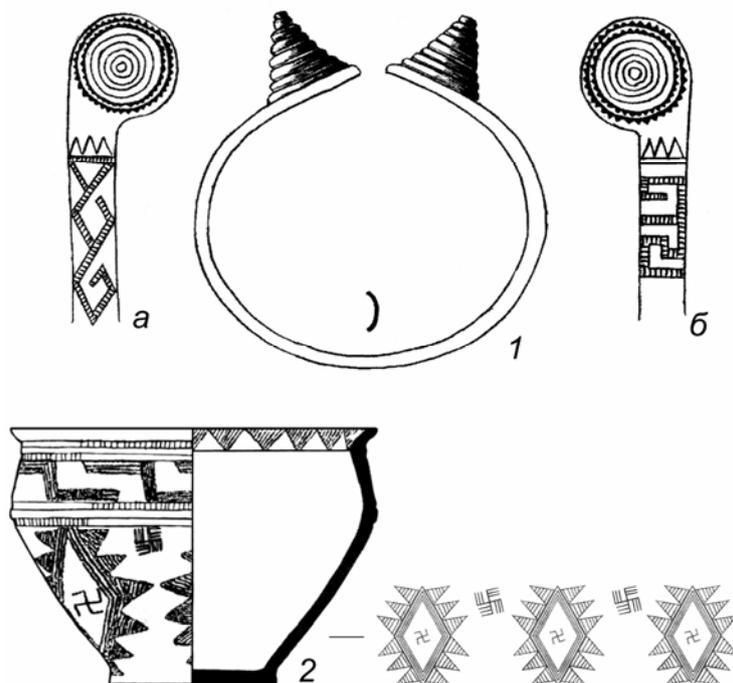

Рис. 6. Параллели андроновской орнаментации:
1 — могильник Лисаковский; 2 — могильник Танаберген II.

Именно идеей изобилия и плодородия, а равно возрождения новой жизни и процветания, идущих на смену «опустошению», пронизаны мифокалендарные представления индоиранских народов о переходном периоде от старого к новому году (см., напр.: [Топоров, 1990, с. 20; Элиаде, 2009, с. 258]). Вероятно, к архаичной древне- или праиранской идее новогоднего изобилия и самого Нового года как времени начала нового цикла, означавшего возрождение мироздания, восходит и орнаментальная символика андроновского «коврового» меандра А-типа.

Второй мотив андроновской композиции на лисаковском браслете представлен линейным меандром замкнутого и сомкнутого типов (рис. 6, 1, б). Самое известное представление о символике такого вида меандра связано с его непрерывностью, сочетающейся с изломом под прямым углом, а также отсутствием начала и конца, олицетворяющим вечность. Примечательно, что, например, в «Древнем Китае меандр соотносился с реинкарнацией и громом» [Топоров, 1994в, с. 273] и трактовался как «линия грома» и «грозовое облако» [Власов, 2001, с. 428]. При этом именно непрерывная волна прямоугольных меандровых узоров, т.е. линейный тип андроновского меандра, известен в китайском искусстве как «завиток молнии» или «полоса облака» [Бир, 2011, с. 378]. Персонификация подобных значений указывает на фигуру Громовержца — главного противника и победителя Мирового змея или дракона. Согласно фабуле основного мифа, именно с этим событием связываются новогодние празднества возрождения мироздания и начала нового жизненного и календарного цикла. Обоснованность китайских параллелей удостоверяется археологическими свидетельствами проникновения традиции андроновидной меандровой орнаментации, например, в культуре байцзиньбао в Северо-Восточном Китае, начало

которой приходится на IX в. до н.э., т.е. на средний этап Западного Чжоу (по: [Гребенщиков, 1990, с. 74–75, рис. 15, 11]).

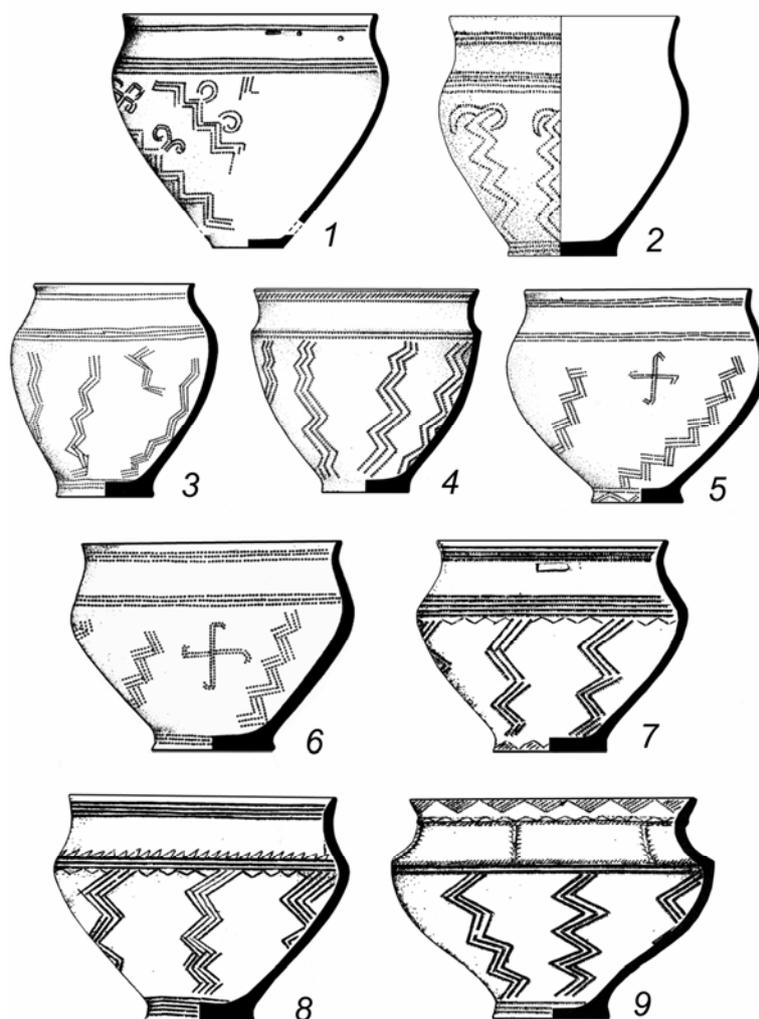

Рис. 7. Орнаментальный образ «козла-однонога»: 1, 3–9 — Синташтинский могильник; 2 — могильник Бестамак.

Таким образом, в рассматриваемой старотартасской композиции мотив второй зоны олицетворял образ и (или) идентифицирующую атрибутику громовника — демиурга-змее-/драконоборца. Мотив же третьей зоны символизировал идею изобилия и процветания, отражавшую мифокалендарную кульминацию сюжетного действия основного мифа при переходе от старого к новому году (рис. 1, 1).

Аналогичные смысловые значения присущи орнаментальным композициям на сосудах из Сухого озера I (рис. 1, 2), Вахрушево (рис. 1, 3) и ЕК II (рис. 1, 4). Вторая — средняя зона этих горшков декорирована линейным меандром сомкнутого и замкнутого типов, означавшим Громовержца/змее-/драконоборца и (или) его оружие — молнию. Треугольники пирамидального типа в третьей зоне — это восходящий к аркаимо-синташтинскому времени (рис. 6, 2) стилизованный календарный мотив, также соотносящийся с основным мифом и присущим ему новогодним ритуалом (см., напр.: [Топоров, 2006, с. 484–485]).

Треугольники пирамидального типа олицетворяли мифокалендарные значения змее-/драконоборческой темы — времени победы над чудовищем, знаменующей конец старого и начало нового года. Количественной символизацией такой кардинальной вехи представляются зачас-

Хронология и мифология андроновских сосудов с подквадратным устьем

тую сгруппированные по шесть треугольники пирамидального типа (рис. 1, 2, 4), вероятно означавшие отдельные полугодия — годы андроновского календарного цикла.

Истоки подобного значения этой орнаментальной схемы восходят к аркаимно-синташтинскому периоду и, в частности, к орнаментально-семиотическим схемам, подобным знаковому декору сосуда из могильника Танаберген II. В центре ромбических фигур, образующих раппорт третьей зоны, нанесена свастика, а противоположные стороны ромбов «окантованы» шестью треугольными фигурами, образующими 12-частную конструкцию (рис. 6, 2). Вероятно, такие мотивы послужили прообразом позднейших собственно андроновских «пирамидальных» и «окантовочных» построений из треугольных элементов в третьей зоне, но с уже утраченным изначальным смысловым значением данных орнаментальных символов. Поэтому количество треугольников, составляющих собственно андроновские «пирамидки», могло быть различным.

Иная орнаментальная композиция запечатлена на сосудах из Преображенки III (рис. 2, 5) и Старого Сада (рис. 4, 2). Это каннелюрно-«елочные» инвариантные комбинации, известные главным образом на востоке андроновского ареала. Они стилизованы, но их смысловая основа восходит к сюжету аркаимно-синташтинского периода, представленному на керамике из Синташтинского могильника и могильника Бестамак (рис. 7). Ключевым для интерпретации подобных композиций представляется стилизованное изображение «одноногого козла» на сосуде из могильника Бестамак (рис. 7, 2), напоминающее образ Аджы Экапада.

Стоящий у Мирового дерева и поддерживающий небо одноногий козел Аджы Экапад [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 587] в Ригведе независимо упоминается лишь однажды. В остальных же четырех случаях его имя связано с именем «змея глубин» Ахи Будхнья, равно как и их объединение в домашнем ритуале. Подлинное имя божества, скрытое под эпитетом Аджы Экапад, осталось неизвестным. Но его связь со змеем Ахи, молнией, и одноногость [Топоров, 1994а] указывают на серпентоморфные признаки [Ковтун, 2013, с. 81]. Поэтому зигзагообразность синташтинского орнаментального символа одновременно олицетворяет и «змея глубин» Ахи Будхнья, связанного с одноногим козлом Аджы Экападом [Топоров, 1994б], имя и одноногость которого представляются метафорой молнии [Топоров, 1994а].

Андроновские реминисценции данного сюжета включают каннелюры во второй зоне, возможно означавшие небо и атмосферные воды, к которым причастны мифологические персонажи, восходящие к индоиранскому состоянию. Это змее-/драконоборец Трита, считавшийся божеством молнии, воплощением огня в молнии, рождающейся в тучах среди атмосферных вод, откуда его эпитет — Аптья, т.е. «Водяной», и родственник Трите «Сын Вод» Апам Напат, также олицетворявший молнию [Macdonell, 1897, p. 69–70; Эрман, 1980, с. 72]. Связанный с водой («Сын Вод») и огнем (молния) Апам Напат одновременно обнаруживает причастность к «змею глубин» Ахи Будхнья и одноногую козлу Аджы Экападу [Топоров, 1994б], имя и одноногость которого, как уже отмечалось, выступают метафорой молнии [Топоров, 1994а].

Думается, что вертикальная «елочка» в третьей зоне рассматриваемых и им подобных сосудов передает декоративно стилизованный и содержательно стертый образ Аджы Экапада и его метафоры — молнии. Кроме того, зигзагообразность синташтинского орнаментального символа и его андроновских реминисценций олицетворяет «змея глубин» Ахи Будхнья, связанного с одноногим козлом Аджы Экападом [Топоров, 1994а, б]. Поэтому вертикальной «елочке» в каннелюрно-«елочных» инвариантных комбинациях, запечатленных на андроновских сосудах, вероятно, присуща еще серпентоморфная символика.

Итак, сочетанием каннелюр во второй зоне с вертикальной «елочкой» в третьей, вероятно, означалась космогоническая модель мироздания в семантическом преломлении основного мифа. Вторая зона сосуда, орнаментированная каннелюрами, по-видимому, сохранила смысловую символику стихийного начала (небесные/атмосферные воды), соотносимого с архаичным образом героя змее-/драконоборца. Такая интерпретация подтверждается уже схематичным образом бестамакского козла-однонога, подобно Аджы Экападу поддерживающего «небо» (рис. 7, 2). На собственно андроновских сосудах его изображение окончательно редуцировано и орнаментализовано до мотива вертикальной «елочки» (рис. 2, 5; 4, 2).

Вероятно, мифологические представления о стоящем у Мирового дерева и поддерживающем небо одноногим козле, известном в Ригведе под именем Аджы Экапада [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 587], в Северо-Западной Азии бытовали только в аркаимно-синташтинский период. Хронологически синхронные образы козлов с фигуральной «одноногостью» известны в окуневском могильнике Красный Камень в виде каменного жезла и сейминско-турбинском мо-

гильнике Ростовка в виде изображения на кельте с предполагаемым черенком-«ногой» [Ковтун, 2013, с. 81, 321]. Позднее эти эпохальные мифологические представления, вероятно, были утрачены собственно андроновским населением. В отличие от фигуративных сейминско-турбинских образов (напр.: [Ковтун, 2006, с. 65–72], «метаязык» андроновского искусства аниконичен и «изъясняется» комбинаторикой орнаментальных построений, подобно декору сейминско-турбинских кельтов [Ковтун, Марочкин, 2011, с. 70–71; Ковтун, 2013, с. 306–322, табл. 56–99]. Поэтому на андроновских сосудах изображался уже не конкретный персонаж, а орнаментальная символика с инвариантным остатком смысловых значений столпа, поддерживающего небо, молнии и морфологических признаков серпентоморфности.

Подобные семантические планы меандровых, меандрово-треугольных и каннелюрно-«елочных» орнаментальных композиций сосудов с подквадратным устьем (рис. 1, 1–4; 2, 5; 4, 2) удостоверяют особый функциональный статус этих горшков. Можно предположить, что подобно нартской Нартамонге/Уацамонге андроновские сосуды с подквадратным устьем использовались в качестве культовых атрибутов, принадлежащих особой социальной андроновской группе (как Алагата у нартов), ответственной за отправление ритуально-обрядовых практик. Смысловое значение ряда орнаментальных композиций, запечатленных на таких горшках, представляется свидетельством их употребления при проведении мифокалендарных обрядов. Содержание подобной обрядности, вероятно, иллюстрировало мировоззренческую доктрину сотворения мироздания, структуру миропорядка, установленного демиургом после низвержения своего противника, и сюжетные эпизоды основного мифа, сопровождавшие переход от старого к новому году.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бир Р.* Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. М.: Ориенталия, 2011. 428 с.
- Власов В.Г.* Меандр // Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства: В 8 т. Т. 4. СПб.: ЛИТА, 2001. С. 426–428.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. Т. I–II. 1328 с.
- Гребенщиков А.В.* Необычные сюжеты в орнаментике традиционного гончарства Приамурья в эпоху раннего железа // Семантика древних образов. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1990. С. 54–79.
- Данченко Е.М., Полеводов А.В.* Четырехгранный сосуд с Красноярского городища в южнотаежном Прииртышье // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 24–26.
- Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 276 с.
- Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 229 с.
- Епимахов А.В.* О возможности формирования единой системы хронологии бронзового века Северной Евразии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 169–173.
- Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник: (По материалам XIX — начала XX в.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 500 с.
- Казаков Е.П.* Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии // СА. 1979. № 1. С. 145–160.
- Калоев Б.А.* Уацамонга // Мифы народов мира. М.: Рос. энцикл., 1994. Т. 2. С. 543.
- Ковтун И.В.* Андроновские погребения Урского могильника из раскопок Ф.И. Александра: (К открытию первого андроновского памятника в Кузнецкой котловине) // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. С. 122–134.
- Ковтун И.В.* Особенности андроновской экспансии на юге Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий: (Материалы междунар. симп.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. I. С. 246–253.
- Ковтун И.В.* Фигуративные навершия выгнутообушковых ножей сейминско-турбинского типа // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. С. 65–72.
- Ковтун И.В.* Восточная периферия самусьской культуры и изображения медведей в западно-сибирской скульптурной миниатюре и металлопластике II тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 97–104.
- Ковтун И.В.* Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
- Ковтун И.В., Марочкин А.Г.* Арчекаский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 69–76.
- Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2013. 456 с.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. 464 с.

Хронология и мифология андроновских сосудов с подквадратным устьем

- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.
- Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск: Наука, 1994. 223 с.
- Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: Семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 261 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Радиоуглеродная хронология позднекротовских и андроновских (федоровских) памятников центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011а. Т. I. С. 251–252.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нескоров А.В. Завершение исследований могильника Старый Сад эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011б. Т. XVII. С. 195–198.
- Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения 1990. М.: ИА АН РК, 1992. Ч. I. С. 93–97.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Гришин А.Е. Результаты последнего года полевых исследований могильника андроновской культуры Старый Тартас-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1998 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 294–299.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4: (Новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3 (11). С. 48–62.
- Рындина О.М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. 640 с.
- Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 248 с.
- Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 12–47.
- Топоров В.Н. Аджа Экапад // Мифы народов мира. М.: Рос. энцикл., 1994а. Т. 1. С. 44.
- Топоров В.Н. Алам Напат // Там же. 1994б. С. 91.
- Топоров В.Н. Геометрические символы // Там же. 1994в. С. 272–273.
- Топоров В.Н. Авест. *Ōrita*, *Ōraētaona*, др.-инд. *Trita* и др. и их индоевропейские истоки // В.Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянских культур, 2006. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. С. 479–504.
- Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2009. 622 с.
- Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. М.: Наука, 1980. 231 с.
- Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. 14 C dating of the Siberian steppe zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Acad. Publishers, 2004. P. 83–89.
- Macdonell A.A. Vedic mythology. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1897. 189 p.
- Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon. 2009. Vol. 51. № 1. P. 243–273.

*Кемерово, ИЭЧ СО РАН
ivkovtun@mail.ru
**wer900@mail.ru

The paper presents the most comprehensive summary of uncommon Andronian vessels with square mouth. Basing on the radiocarbon dating from different territories of the Andronian area which gave suchlike dishes, as well as on certain metal articles and parallels in the Andronoid complexes, also on the conjugation with a tradition of roller ornamentation, the authors propose a probable absolute chronology of the Andronian pottery with square mouth. Subject to consideration being a problem of semantics and purpose of these vessels. By analogy with dog-sledge parallels and Ob-Ugrian ornamental correspondences, subject to reconstruction being the involvement of the Andronian vessels with square mouth in the myth-and-calendar ritualism as well as performance of the New Year festivities associated with the contents of the basic myth.

Andronian vessels, analogies, chronology, myth-and-calendar ritualism, dog-sledge, the Ob Ugrians, semantics of ornamentation, basic myth.